

18+ БУМАЖНЫЕ СУДЬБЫ



Вероника Благодарева

Вероника Благодарева

Бумажные судьбы

«Издательские решения»

Благодарева В.

Бумажные судьбы / В. Благодарева — «Издательские решения»,

Драматическая семейная история охватывает жизнь нескольких поколений женщин. Их судьба трагична, как и у многих, переживших войну, потерю детей, предательство мужчин. Героини книги не сдались, не сошли с ума, но надломились и замолчали. Автор дает слово тем, чей голос не был слышан годами. Дает право на ошибки, которых не нужно стыдиться. Право испытывать боль, сожаление, ненависть, не боясь быть осужденными. Дает веру, что никогда не поздно сказать о своих чувствах самым близким людям.

© Благодарева В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Полвека тишины	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бумажные судьбы

Вероника Благодарева

Редактор Екатерина Долгова

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Вероника Благодарева

© Вероника Благодарева, 2026

© Вероника Благодарева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6166-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга о женщинах, которых я хорошо знала и при этом не знала совсем. Я собирала их истории по крупицам, осколкам их жизней, разорванным воспоминаниям и недосказанным повествованиям. История женщин моей семьи не уникальна. Она трагична, как и у многих других, переживших революцию, войну, потерю детей, предательство. Они не сдались, не сошли с ума, но надломились и замолчали. Бабушка и мама не любили говорить о себе, воспоминания отягощали их души, и рассказывать о своих тяжелых судьбах они не считали нужным. Взявшись за написание книги, я понимала, что передо мной стоит непростая задача, и несколько раз мне нестерпимо хотелось смягчить рассказ, придумав несколько деталей. Но я не смогла. Правда, хоть и суровая, оказалась важнее. Мне пришлось отказаться от себя здесь и вести повествование от третьего лица, дабы не пытаться анализировать ситуации, поступки, умозаключения героинь. Каждый раз доходя до самых непростых моментов, я останавливала себя, чтобы не дать волю чувствам и не скатиться в жалость или же, наоборот, в нравоучение.

В моей семье не принято было говорить о любви, чувства старались скрывать и не показывать, это считалось неприличным и ненужным. И главная цель этой книги — дать слово тем женщинам, которых не слышали годами и десятилетиями. Она призвана освободить их и предоставить право на ошибки, которых не нужно стыдиться. Право испытывать боль, сожаление, ненависть, не боясь быть осужденными. И чтобы, читая ее, женщины знали, что никогда не поздно сказать о своих чувствах самым близким людям.

Глава 1. Полвека тишины

Бабушка сжигала письма. Белые листы, исписанные разным почерком, от ровных округлых букв с завитками до небрежных размашистых, уходящих то вверх, то вниз, летели они к красным языкам беспощадного дракона — пламени и, мгновенно схватываясь огнем, сгорали. Они чернели и превращались в пепел, оседая на стенках большой чугунной печи. Маленькая Аня смотрела на то, как сгорают чужие письма, отправителей которых она никогда не знала.

— Бабушка, зачем ты это делаешь? — осторожно спросила она.

Бабушка молчала, глядя на играющий в печке огонь, словно не расслышала вопроса, а потом спокойно и как-то небрежно ответила вопросом на вопрос:

— Кому нужны эти воспоминания?

— Разве воспоминания — это плохо?

— Смотря какие. Некоторые я бы с удовольствием оставила в прошлом и выкинула бы из головы насовсем. Но, к сожалению, это невозможно. Что-то не забывается, никогда.

Ане было не понять этого поступка, она знала, что письма — это что-то очень сокровенное, дорогое сердцу, то, что хранится долго и бережно в ящиках массивного старинного стола. Мама после прочтения писем, приходивших ей со всех концов страны, всегда аккуратно убирала их обратно в конверт и складывала в стол, где они лежали годами и десятилетиями, отчего некоторые ящики со временем стало невозможно открыть. Письма, пришедшие недавно, хранились отдельно в секретере, в жестяной коробочке, и перечитывались друзьям и знакомым, приходившим в гости. «Привет, Платоша», «Здравствуйте, дорогая Арина», «Милая Аришка, привет» — начинались эти письма. А дальше следовал интересный или не очень рассказ о жизни, о погоде, делах и заботах, отпусках и поездках. Письма были длинные, иногда в несколько страниц. Аня и сама с удовольствием слушала их, ей нравилось представлять, как живут другие люди в разных городах, родственники или просто знакомые, такие разные, такие далекие, дотягивающиеся до Петербурга лишь этими посланиями. Связанные с мамой какой-то особенной нитью из прошлого. Аня тоже писала маме, когда та была в городе, а они с бабушкой на даче, и получала ответ. И хотя родители приезжали каждые выходные, эти небольшие послания были теплыми и нежными, как будто обещанием скорой встречи. Почтальон разносил весточки до полудня и оставлял послания в синеньком ящике, висевшем на калитке. Какое волнение охватывало девочку каждый раз, когда она подбегала к калитке, доставала из кармашка маленький ключик и открывала ящик, бережно доставая оттуда заветный конверт, адресованный лично ей.

Бабушка подложила в печку несколько тонких сухих лучинок, которые только что аккуратно спилила ножиком, сверху два больших сухих полена, и они задорно затрещали в огне, не зная, что их предшественники — письма, были когда-то кем-то любовно, восторженно или сухо и сурово написаны и отправлены за многие километры, чтобы согреть или разбить чье-то сердце.

— Будем сумерничать или включим свет? — спросила бабушка

— Су-мер-ни-чать, — ответила Аня, протягивая каждый слог этого сладкого и теплого слова, так нравившегося ей. От него словно исходил аромат чего-то очень теплого, родного, как от маминых рук, гладивших непослушные Анятины волосы.

— Тогда давай пить чай. А потом будем заниматься делами, попрыгунья-стрекоза. Весь день скакала с друзьями, теперь время сделать что-то полезное.

Аня знала наизусть текст этой басни. «Почему взрослые так не любят стрекозу? — думала девочка. — Что такого ужасного она натворила? Просто развлекалась все лето, а что надо было делать, ведь лето создано для радости, игр и веселья? Теперь этот зануда — муравей,

который сам не развлекался, еще и других поучает». Анюта испытывала симпатию к стрекозе и совершенно противоположные чувства к ворчливому муравью. Она поежилась, думая о нем.

Тем временем бабушка уже заварила чай, напевая мотив, который все домочадцы давно выучили наизусть и называли «мурлыканьем». Сама бабушка не замечала за собой этой привычки, и никто из семьи ей никогда не указывал на это. Чай она заваривала всегда по своим правилам: вскипятив воду, обдавала крепким кипятком заварочный чайник, потом насыпала заварку, столовую ложку и еще чуть-чуть, потом ждала пару минут, когда вода немного остынет до нужной температуры, и только затем заливала заварку водой. Никто, кроме нее, не проводил этот ритуал, не потому что не умели, а потому что бабушка не позволяла этого делать. Даже на даче чай пили из фарфоровых чашек, которые обязательно ставились на блюдца, отчего каждое чаепитие становилось изысканным, требующим предварительной подготовки. Аня налила чай в блюдце и уже собралась его выпить, словно купчиха на картине, но тут ее остановил строгий бабушкин голос:

— Кто тебя научила так пить чай? — она неодобрительно покачала головой.

— Соседка, Инна Филипповна, — показывая в сторону соседнего участка, отвечала девочка.

— Тогда все понятно. Воспитанные люди так чай не пьют. Нужно взять аккуратно за ручку, не просовывая пальчики и не оттопыривая их. И пить чай из ложки тоже не следует, — предостерегала бабушка, увидев, как Анина рука потянулась за чайной ложкой.

— Но так же вкуснее, и я не обожгусь.

— Тогда подожди, когда чай остынет, и не надо на него дуть, брызги разлетаются во все стороны.

— Мама всегда разрешает пить чай из блюдца.

— И это очень плохо. Твоя мама воспитанная женщина, она не должна поощрять такое поведение.

Анюта все это знала. Ее мама тоже постоянно рассказывала о правилах этикета, многие из которых большинство людей даже не знали. Например, что нельзя вешать мужскую одежду поверх женской, желать приятного аппетита, если ты не хозяйка дома, приготовившая еду, что яичницу нужно есть ложкой, а мужчина не подает руку первым при знакомстве. Все эти правила были изучены уже давно, но в реальной жизни они так редко пригождались, что и соблюдать их нужды не было. И чай из блюдца Аня пила постоянно и с большим удовольствием. Но сейчас девочка послушно взяла чашку за ручку и начала аккуратно пить горячий напиток.

Бабушка отрезала несколько кусков черного ароматного хлеба, который с утра, еще горячим, Аня купила в ларьке, намазала их маслом, разделила большой кусок на несколько маленьких и красиво выложила на блюдце. Запах хлеба смешивался с теплым запахом печки, отчего такой незатейливый полдник казался невероятно вкусным, и хотелось как можно дольше наслаждаться этим моментом. Но бабушка напоминала о делах, и вот тут наступало самое неприятное время дня для Анюты: нужно было читать книги по списку, который выдавали в школе на лето. Тяжело вздыхая и пытаясь как-то отсрочить это «наказание», девочка как можно медленнее переносила посуду со стола в раковину. Но деться было некуда, «Тёма и Жучка» уже дожидались своего часа, лежа на большом кухонном столе; девочка садилась читать грустную историю о смелом маленьком мальчике, не бросившем в беде своего четвероногого друга. Слезы подступали к глазам, из-за чего буквы становились расплывчатыми и никак не хотели читаться.

— Почему книги бывают такими грустными? — спрашивала Аня, когда первая слезинка падала на страничку и уже невозможно было скрыть, что она плачет.

— Потому что они рассказывают о жизни, о настоящих людях и их поступках. А жизнь бывает очень трагичной.

— А почему многие сказки — страшные?

— Потому что они не всегда были предназначены для детей.

— Как это? Разве сказки пишут для взрослых?

— Случается и такое. Например, «Тысяча и одна ночь» изначально была взрослой книгой, а потом превратилась в мирную детскую сказку.

— Не может быть, — глаза Ани округлились от удивления. Она не раз слушала эту историю о девушке, которой удалось обхитрить грозного царя, и никогда не замечала в ней ничего взрослого. — А братья Гримм? У них тоже страшные сказки?

— Многие сказки предостерегают детей, рассказывают о том, что жизнь может быть опасной.

— Когда я вырасту, напишу самую красивую и добрую сказку, и в ней никогда не будет ничего страшного.

— Чему же тогда она сможет научить? — улыбалась бабушка.

Яркие предзакатные лучи солнца окрасили стволы сосен и берез золотистым цветом, комары уже начинали свою охоту, и впервые за день нужно было надевать теплую вязаную кофту. Аня с бабушкой шли поливать цветы: нежно-розовые и белоснежные флоксы, от которых разлетался аромат по всему участку; огромные фиолетовые колокольчики, заботливо подвязанные на случай сильного ветра; разноцветные нервные астры, которые так любила мама. Перед тем как приниматься за полив, нужно было принести воду из колодца, который стоял под горой в небольшом леске, где даже днем не переставали жужжать назойливые комары. Ведра были тяжелыми, и Ане никогда не разрешали их носить, поэтому она брала с собой маленькое зеленое пластмассовое ведерко. Поднимаясь с ним в горку, девочка представляла, как сейчас неожиданно из-за поворота появится он — принц на коне, или лучше на мотоцикле, ну, в крайнем случае, на машине, но это уже не так романтично, и...

— Опять витаешь в облаках? — перебивала ее мысли бабушка

— Нет. Я мечтаю. Фантазирую. Так интересно представлять себе что-то, чего нет на самом деле, или то, что хочешь чтобы случилось. Могу тебе рассказать, о чем я думаю. Хочешь?

— Нет. Фантазии не идут ни в какое сравнение с реальной жизнью. Лучше расскажи, что с тобой происходило в действительности.

— Но это же так скучно. Ничего интересного не происходит. Просто обычные дни: игры с друзьями, и все. Разве они могут сравниться с мечтами?

— Это не так, каждый день с тобой происходят интересные вещи и ты узнаешь что-то новое. Чем вы сегодня занимались с друзьями?

— Строили шалаш. Сходили в лес и набрали там веток для него. Ветки оказались такими большими, что их мы их еле дотащили да места, а потом смогли полностью укрыться от посторонних глаз в нашем новом секретном месте. Это так здорово, когда ты видишь всех, а тебя не видит никто. Как будто ты человек-невидимка.

— Ну вот, видишь, как интересно.

— А ты мне расскажешь что-нибудь из своего детства?

— Расскажу, давай только до дома дойдем и закончим дела.

Дома воду переливали в большую лейку, которая, даже будучи пустой, была очень увесистой, из нее поливала бабушка. А из маленькой синей леечки с нарисованным белым цветком — Анюта, и начиналась самая настоящая работа. Помимо цветов нужно было полить клубнику, которой было не так уж много, поэтому каждая ягодка была на счету. Потом помидоры с огурцами, росшие в парнике, где всегда стоял теплый прелый аромат, в который хотелось укутаться, до того он был уютным и вкусным. Однажды Анюта с мамой увидели на дороге чайку с перебитым крылом. Они принесли ее домой и поселили в теплице. Они долго ее выхаживали, кормили и заботились о ней. И как только птица смогла летать, отпустили на волю.

Участок вокруг дома был большим, посередине стоял деревянный дом, состоявший из двух половин. Одну из них строил после войны Анин дед, другую привезли намного позже и соединили с уже имевшейся. В первой половине жила бабушка, а в другой Аня с родителями. Был еще и маленький домик, который построил Анин дядя, и назывался он на французский манер «мон плезир» — мое удовольствие. С одной стороны участка был небольшой сосновый лесок, в котором к концу лета можно было найти несколько боровиков, маслят и множество груздей. Благородные грибы сушили над печкой и зимой готовили из них суп, а грузди шли на засолку. Сыроежки собирали только в самый неурожайный год, когда грибов было мало. Их сразу же чистили и жарили с картошкой. На большом кусте крыжовника созревали черные сладкие ягоды, которые почему-то не пользовались большой популярностью, в отличие от своих собратьев — кислых и зеленых, росших на другом кусте. Чтобы всем было удобно выходить с участка, предусмотрели три калитки. К одной из них вела тропинка, с двух сторон которой росли белые кусты чайных роз, источающие нежный аромат, который особенно чувствовался перед грозой. С другой стороны участка была небольшая клумба с цветами, но больше всего эта часть напоминала заброшенную барскую усадьбу, тем что предназначалась для чтения, ленивых вечерних посиделок на скамейке и созерцания природы, чем чаще всего и занимались приезжающие гости после обеда или ужина. Между двух самых крепких сосен, стоящих напротив друг друга, вешали гамак, в котором хотелось лежать бесконечно и, раскачиваясь, смотреть, как плывут над головой верхушки сосен и затерявшееся в них синеглазое небо. Удобства, как и полагалось всем дачным участкам, находились на улице, что доставляло немало дискомфорта, особенно в дождливые дни, когда, как говорила мама, «хороший хозяин собаку из дома не выгонит». Водопровода тоже не было, лишь жестяные умывальники, из которых вода лилась, только если нажать на носик, что превращало мытье посуды в сущее наказание. Поэтому Аню никогда не заставляли мыть на даче посуду. В баню ходили к соседям, и только по выходным, о своей бане много лет лишь говорили, но так и не построили. А в будни хватало и нагретого чайника. Для детей это не было проблемой, в теплые дни они все время проводили на озерах, которых было предостаточно. Раньше в поселке добывали песок, а потом песчаные карьеры наполнились водой и стали озерами. Первый карьер был ближе всего к дому, и он считался самым любимым из-за песчаной горы, с которой дети с визгом сбегали прямо в воду. На втором карьере почти никогда не было народа, и там можно было спокойно плавать, распутивая уток. Третий карьер был слишком глубоким, и глубина начиналась уже через несколько шагов после захода в воду. А на четвертом купались все, по выходным здесь было не протолкнуться, помимо жителей поселка, сюда приезжали и те, кто жили в соседнем небольшом городке.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, когда полив был закончен.

Печка была протоплена, и в теплом бревенчатом доме, закончив все дела, Аня и бабушка усаживались за стол ужинать, девочка просила:

— Бабушка, расскажи какую-нибудь историю.

И бабушка начинала свой рассказ о жизни далекой и невиданной, той жизни, которой больше не было, той, что осталась лишь в памяти уходящего поколения.

— Когда я была маленькой, мы жили в своем доме с садом, в котором росли яблони, столько яблонь, что не хватало рук, чтобы собрать весь урожай. Такого вкусного белого налива я не ела больше никогда. Дом был большой, и, как многие в те времена, мои родители держали прислугу — девушку по имени Груня. Ужасно была бестолковая, что ни попросишь, ничего сделать по-человечески не могла. Однажды прибегает с кухни, плачет навзрыд, толком ничего сказать не может из-за всхлипываний.

— Что случилось, Груня? — спрашиваем мы у нее, а она и говорит:

— Побила я его, ой побила.

— Кого? — пугаемся мы.

— Да как кого? Известно. Бокал ваш любимый, — не успокаивается она, словно человека покалечила.

— Груня, это всего лишь бокал. Посуда — она же не человек, зачем так переживать.

— Ой, — всхлипывала она, вытирая нос рукавом, — человек что, сегодня есть, а завтра нет. А вот такой красивый бокал — его жалко.

В другой раз попросили ее сварить яйцо в мешочек. Долго ходила по кухне, гремела посудой, наконец пришла расстроенная.

— А где же яйца? — спрашиваем.

— Не сварила, мешочка не нашла, — отвечала она.

— Глупое создание, — заключала бабушка.

От упоминания яиц в мешочек Аня сглатывала слюну, но молчала, боясь перебить бабушку и не услышать продолжение истории.

— Однажды летом я пошла гулять в город, одна, никого не предупредила. Думаю, погуляю с часок и вернусь, никто и не заметит, ушла и заблудилась. И спросить у кого-нибудь стыдно, так и блуждала до вечера в поисках дома. Родители хватились, а меня нет, подняли на уши всех знакомых и полицию, стали искать и нашли меня... — бабушка делает паузу, чтобы произвести эффект, — нашли, благодаря зонтику. Он был один такой в городе, сделан на заказ. С нежным кружевом кремового цвета и увесистой деревянной ручкой. Мне его папа подарил на день рождения.

— Красивый, наверное, был, — не выдержала Аня.

— Очень. Таких теперь и не делают.

— А где же он сейчас? — не унималась девочка, пытаясь припомнить все зонты, имеющиеся в доме.

— Там же, где и все, — отвечает бабушка. — Когда пришли большевики, ничего не стало, кто знает, где все эти вещи и ценности, которые отобрали у людей.

— А что было после их прихода?

— Ничего.

— Как это ничего?

— Вот так. Ни-че-го.

Бабушка никогда не говорила о том, что было после семнадцатого года. Как будто забыла, стерла из памяти все, что произошло. Стерла эти годы, эту жизнь «после».

Она вставала со стула, открывала печку, кочергой проверяла, догорели ли последние угольки, закрывала отдушку и продолжала:

— А зимой папа строил большую деревянную горку прямо у нас во дворе, все соседские ребята прибегали, чтобы на ней покататься. Мы так разгонялись, что выезжали за пределы двора и падали прямоком в огромный сугроб. Вот это было веселье, — бабушка замолкала, улыбаясь приятным теплым воспоминаниям.

— Ну, хватит на сегодня. Ложись спать.

Аня легла на кровать возле белой стены, к которой с другой стороны примыкала печка, но не засыпала, а еще долго крутилась, выбирая удобную позу, и думала о бабушке. О том, что та не только помнит много интересных историй, но и о том, что она совсем другая, не похожая ни на соседку по коммунальной квартире, одна из которых постоянно пила, курила, а в комнате у нее был бардак и куча сувениров, привезенных из поездок ее сыном-моряком. Однажды он привез ей целый ящик бананов, и Аня съела какое-то огромное количество этого редкого в то время фрукта, отчего на следующий день вся покрылась пятнами. Бананы были экзотикой, и чтобы их купить, нужно было отстоять огромную очередь около Кузнечного рынка. Другая соседка, по словам мамы, «старая дева», держала рыжего огромного кота, которому покупала еду на рынке, тогда как сама питалась гречневой кашей и чер-

ным хлебом, и к ней они, дети, чуть ли не каждый вечер ходили поиграть и понюхать пустые склянки от духов.

Не похожа она и на тех, которые сидели на лавочках у парадных и перемывали всем косточки. В свои семьдесят семь она была не какой-то немощной старухой, а женщиной, которая вызывала восхищение у окружающих своим звонким смехом, ясной памятью и умом, который не померк с годами.

— Екатерина Михайловна так здраво мыслит, так трезво оценивает ситуацию, — удивлялись гости, приходившие к маме и непременно заходившие поздороваться и поговорить с бабушкой, — а сколько она всего помнит. Вот бы мне такую память в ее годы, хотя она уже и сейчас меня подводит.

Бабушка могла рассказать не только истории из жизни, но и знала столько стихов, что если рассказывать их в течение месяца, то каждый день было бы новое. Не только классику, но и забавные стишки, которые помнила с детства. Но ее любимым стихотворением была «Незнакомка» Блока.

*...И каждый вечер, в час назначенный,
Иль это только снится мне?
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне...*

Когда она его читала своим хорошо поставленным и плавным голосом, то Аня с ее богатым воображением живо представляла себе прекрасную женщину, гордо идущую по улице, пленяя своей тихой и таинственной красотой. Аня видела фотографию бабушки в молодости: большие глаза, две толстые тугие косы и взгляд гордый, даже слегка надменный. Возможно, это стихотворение о ней. А может быть, и сама Аня, когда вырастет, тоже станет красивой и сможет очаровывать мужчин. Благодаря чтению стихов еще до школы девочка выучила половину школьной программы и читала стихи с большим чувством. Она вставала с места, делала глубокий вдох и воодушевленно декламировала, за что всегда получала пятерки. Иногда она завидовала поэтам, считая их жизнь невероятно увлекательной, и тоже пыталась писать стихи, чем очень гордилась.

— Бабушка, послушай, я сочинила стихотворение, — заявляла девочка. Она принимала, как ей казалось, позу чтеца и, высоко задрав голову, читала свои стихи. Бабушка слушала внимательно, но только улыбалась и ничего не говорила. Совершив еще несколько попыток произвести впечатление своей поэзией и не добившись нужной реакции от семьи, Аня забросила стихосложение.

С нетерпением ждала Аня выходных, когда из города приезжали родители и привозили что-нибудь вкусное, особенно хороши были персики с нежной кожицей: сочные, спелые, кусаешь их за румяный бочок, а сок сладкими ручейками стекает по лицу и рукам.

На следующий день, ранним утром, мама шла в лес собирать грибы и обязательно приносила баночку черники. Ягоды можно было залить сгущенкой и есть на завтрак вместо скучной овсяной каши. Овсянку Аня терпеть не могла, ее нужно было хорошенько сдобрить сливочным маслом и вареньем и только потом эту странную субстанцию можно было есть. То ли дело гречка, которая сначала готовилась на печке, а потом доходила в ней, отчего каждое ядрышко набухало и становилось воздушным. От черники зубы и язык делались темно-синими, и потом весь день ими можно было пугать друзей. Ходила с мамой и Аня, но только если для этого не приходилось рано вставать. Сосновый лес был рядом с домом, когда-то давно, когда Анин прадед построил дачу, их дом был последним и по ночам, по словам мамы, было слышно, как воют волки. Теперь же все было тихо, поселок давно разросся, но с одной стороны лес совсем

недалеко отступил от дачи. Спустившись с крутой горки, перепрыгнув через небольшой резвый ручеек и пройдя мимо большого дома, за забором которого беспрестанно лаяла злая собака, они оказывались в сухом сосновом лесу, где пахло свежей золотистой смолой и еловыми иголками. В больших муравейниках неустанно трудились их маленькие неутомимые жители, дятлы беспрерывно отстукивали мелодии длинными носами, и ветер, пробираясь сквозь кроны деревьев, разносил по округе звуки леса. Грибы собирать было лень, они, словно специально, прятались под сухими листьями, закапывались как можно глубже во влажный мох, едва выглядывали шляпками из-за маленьких пеньков, и через какое-то время искать их становилось крайне скучно. То ли дело прыгать туда-сюда через пожарные рвы и ждать, когда мама соберет вкусно пахнущую землянику и в ладошке протянет ее Ане.

Возвращаясь домой, они нередко заставляли компанию родственников. Мамин брат, красивый мужчина с окладистой бородой, постоянно куривший трубку, отчего похожий на капитана дальнего плавания из «Денискиных рассказов», приезжал со своей третьей женой Ириной и падчерицей Соней. Тогда с веранды выносили огромный прямоугольный стол и ставили его под раскидистой яблоней в саду. Посередине водружали тяжелый пузатый самовар, который растапливали углем, и усаживались пить чай всей семьей.

Анин дядя, которого мама называла не иначе как Дмитрий Иванович, сетовал на то, что редактор не принял его новую статью:

— Достоверности ему не хватает, видите ли, и деталей. Каких таких деталей? Я, между прочим, рассказал все что видел, все что знаю, а придумывать — это он пусть сказочников нанимает. Тоже мне знаток.

Дядя ел ужасный салат из собранных на участке одуванчиков, выделявших белый горький сок, приправив его растительным маслом, отчего тот становился еще более противным. Чай пил из стакана с подстаканником, чем вызывал недовольство бабушки, считавшей, что пить чай нужно только из чашек. Однако, соблюдая приличия, при других она этого не говорила. Лишь оставшись наедине с сыном, могла себе позволить сделать замечание.

— У нас в доме есть чашки, — говорила она, — почему же ты все время пьешь из этого ужасного стакана, да еще и не вынимая чайную ложку? А курить за столом — это верх неприличия.

— Мать, во-первых, пить чай из чашки — это по-бабски. Я разве похож на бабу? Нет! А во-вторых, ты опоздала со своим воспитанием лет на тридцать, — ухмылялся Дмитрий Иванович, — иди поучай своего любимого внука, пока не поздно.

— С тобой стало совершенно невозможно разговаривать.

— И не надо со мной разговаривать. Раньше ты как-то обходилась и без этого.

Он никогда не церемонился с матерью, да и с другими членами семьи тоже. Сестру ругал за неподходящий выбор второго мужа.

— У него же руки из одного места растут. Первый, может быть, тоже был безрукий, но с него другой спрос, все-таки — интеллигент, профессор. А этот что? — ругался он, — гвоздь в стену вбить не может, по какому принципу ты его выбирала?

— Он хороший отец для Анечки, — пыталась спорить Арина.

— А первый муж, что же, был плохим отцом для твоего сына? Нет! Но тебе было скучно. Он был слишком хороший, слишком воспитанный, слишком образованный и слишком любил тебя. Но тебе этого не надо, тебе нужна буря, страсть, вихрь эмоций. Не нужен хороший, нужно, чтобы задница подгорала. Ну что молчишь? Я ведь прав. Ээх, вот именно. Тьфу, бесполезно.

Часто дядя отпускал язвительные замечания и в адрес Ани по поводу ее полноты.

— Можно обед и пропустить, запасы-то есть.

После обеда дядина семья уходила в свой маленький домик. Он был таким крохотным, что в нем помещались только кровать, небольшое кресло, пахнущее кожей, и малюсенькая

печка-буржуйка, все стены были увешаны красочными афишами разных спектаклей: «Слуга двух господ», «Дон Карлос», «Иван Грозный». На маленьком столике стояла черная печатная машинка, на которой дядя печатал свои статьи для журналов и газет. Днем он постоянно что-то мастерил на своем верстаке на улице, а в его отсутствие Аня, не без труда, залезала на верстак и, представляя себя гимнасткой, ходила по нему. Дядя был неутомим в своих подвигах, как любовных, так и житейских, несмотря на диабет и язву желудка. Он сам делал себе уколы и пытался лечить свои болезни народными средствами.

— Это его женщины довели, — говорила бабушка, — все как одна — пиявки. Где он их находит? Неужели же не осталось приличных девушек, на которых можно жениться?

Когда он приезжал на дачу, утро непременно начиналось со звуков бензопилы «Дружба», распиливавшей длинные тяжелые стволы деревьев, привезенные специально для заготовки дров. Или со стука молотка. Со стороны своего дома он поставил новый забор, покрыл его липким, горько пахнущим лаком. В то время как весь остальной участок окружал уже покосившийся ветхий заборчик, готовый рухнуть в любой момент на землю.

— Я что, единственный мужик в доме? У тебя есть муж и уже взрослый сын, пусть они остальную часть делают, — выговаривал он Арине. Она не отвечала. Знала, что никто из них делать ничего не будет. Вместо этого она взяла листочек бумаги и с присущей ей ироничностью написала:

«Дела трудолюбивого мужа:

10.00 — встал

10.30 — позавтракал

11.00 — перекур

12.00 — взял пилу, постоял

12.20 — перекур

13.00 — обед

14.00 — принес воды

15.00 — ушел на электричку...»

Дядя был суровым, нетерпимым к любым выпадам в свою сторону, он протестовал не только против запоздалого воспитания, а против всего.

— Если кто-то тебя раздражает, говорит тебе то, что ты и так знаешь, или учит жить, — поучал он и без того необузданного племянника, — сложи фигу и держи ее в кармане, — ты — единственный, кто знает, как тебе жить. А остальных всех посылай, куда Макар телят не гонял.

— Мама, а почему бабушка не любит дядину жену? — спрашивала Анюта, когда они оставались одни.

— Она не из нашего круга, — отвечала мама.

— Что значит «не из нашего круга»?

— Твоя бабушка родилась в интеллигентной семье, а тетя Ира простая продавщица, и бабушка считает ее недостойной партией своему сыну. Но в этом она противоречит сама себе, — немного помедлив, продолжала мама, — она ведь и сама вышла замуж за человека, родившегося в деревне, но в то время, когда они поженились, он уже был капитаном. И все же, для меня до сих пор загадка, почему она это сделала. Бабушка никогда не считала таких людей ровней.

Иногда, в сердцах, мама говорила:

— Твоя бабушка вообще никого не любила, кроме, возможно, одного человека — твоего брата Юры.

Аня не понимала, за что его можно любить. Он был на двенадцать лет ее старше, и его поведение часто было непонятным, неприятным и даже пугающим. Юра злоупотреблял спирт-

ным и тогда ругался с бабушкой и мамой. Мог за обедом разбить тарелку, если его что-то не устраивало. Стукнуть кулаком по столу, так что все разлеталось. Настраивал своих друзей против своей же семьи. Зимой, когда дача пустовала, мог разбить в доме стекла. И никто ничего не мог с ним поделать. Аня хороша запомнила день, когда брата провожали в армию. Мама накрыла стол, как на праздник, собрались друзья и родственники. Юре вручили большой зеленый рюкзак с едой и вещами и отправили в военкомат. Через день он вернулся домой без рюкзака и его содержимого, с жутким запахом перегара. До военкомата он так и не дошел. Где-то по дороге встретил друзей, они выпили, и проснулся он только наутро, не в состоянии даже встать с кровати.

Юра родился болезненным, слабым ребенком, у мамы быстро закончилось молоко, и его кормилицей стала сестра его отца, которая в это же время родила дочку. Несмотря на то, что бабушка Арины отговаривала ее вскармливать ребенка молоком другой женщины, та сделала по-своему. Но от этого стало еще хуже. У мальчика начались проблемы с кожей, он расчесывал себя до крови и большую часть младенческой жизни провел в больнице. А у его молочной сестры были проблемы еще хуже. Когда мама развелась с его отцом, снова вышла замуж и родила дочь, Юра, избалованный вниманием, никак не мог смириться с этим и всеми способами пытался донести это до окружающих.

— Это ты виновата в том, что твой сын стал таким, — отчитывала бабушка маму. — Если бы ты не ушла от его отца к этому... к отцу Ани, то все сложилось бы иначе. Видишь, как он переживает, до чего уже дошел.

— А может быть, это ты виновата? Сдувала с него пылинки, не позволяла ничего делать и в попу целовала. И мои отношения с его отцом здесь вовсе ни при чем.

Отец Андрея был профессором из интеллигентной семьи, похожим на Юрия Яковлева в роли князя Мышкина из фильма, тогда как папа Анюты был простым инженером в Лениздате. Мать отдала его в детский дом, когда тот был еще маленьким. А забрала оттуда, только когда тяжело заболела и ей потребовался уход.

— Я оставлю тебе эту комнату, а ты будешь за мной ухаживать, — таково было ее условие. И он согласился.

Арина характером была похожа на своего брата, недостаток материнской любви сказался на ней не меньше. Бабушка не занималась воспитанием своих детей, ни Арины, ни Дмитрия. Дима был рано отдан в военное училище, когда еще был жив его отец, а Арину воспитывали ее дед и бабушка. В сорок третьем году за три месяца до рождения Арины ее отец погиб в Азовском море. Он был заместителем командира по морским делам, как говорила мама «замком по морде». Бабушка долго ничего не знала о судьбе мужа, даже не знала, где шел бой, в котором он погиб. Только через много лет, когда были рассекречены некоторые документы, семья узнала, что погиб он в Азовском море. После его смерти она больше никогда не вышла замуж, хотя ухаживали за ней многие и некоторые даже весьма настойчиво. Она долгие годы оставалась привлекательной женщиной. Работала она совсем недолго, в управлении железной дороги, несмотря на то, что по образованию была учительницей. А потом жила на пособие, которое получала после смерти мужа. Чем она занималась все эти годы, так же как и в послевоенные, никто не знал.

Вечерами, в выходные, протопив небольшую печь на своей половине, Аня с мамой устраивались на любимом диване и читали.

— Расскажи мне про своих бабушку и дедушку, — просила девочка.

— Ты же уже все знаешь. Я тебе о них рассказывала много раз, — улыбалась мама.

— Ну пожалуйста, расскажи еще.

— Хорошо. После войны они получили участок здесь, дед построил дом, и они переехали из Ленинграда на дачу. Дедушка стал заниматься кожевенным промыслом, а бабушка вела хозяйство: держала кур и кроликов. Я жила с ними на даче круглый год, даже какое-то время ходила в деревенскую школу, которая находилась там, где сейчас библиотека, в которую мы с тобой ходим. Так что ты понимаешь, как далеко нужно было идти. Они очень любили друг друга, не расставались ни на один день. Но они никогда не показывали своих чувств, тем более на людях. Раньше это считалось неприличным. Бабушка пекла такие вкусные пироги, что дед всегда ими объедался и ему становилось плохо. Он говорил, что больше никогда не будет их есть, но каждый раз все повторялось. Бабушка была тихой, скромной, ходила в церковь, но никогда об этом не рассказывала. И очень любила есть арбузы с черным хлебом. А дед был с характером, но никогда не повышал на нее голос... и на меня тоже.

Аня видела фотографии прадеда в семейном альбоме, он был невероятно красив: мужественное лицо, роскошные усы и очень добрые глаза. Девочка знала, что жизнь его оборвалась трагично. Однажды зимой, как и обычно, он счищал снег с крыши дома, оступился или поскользнулся и упал. Высота была небольшая, но для старого человека этого было достаточно. Больницы в поселке не было, и его отвезли в ближайший город, потеряв много времени. Спасти его не удалось. После похорон прабабушка просто легла на кровать, и через две недели ее не стало. Эта история впечатляла Анюту, такая любовь казалась ей настоящей, в духе героинь русской классической литературы, на которой она была воспитана. Они с мамой часто ходили на кладбище навестить их. Скромные серые с белым кресты в сени невысоких кустов сирени, окруженные десятком таких же могил и оград. Здесь росла невероятно крупная земляника, которую собирать было строго-настрого запрещено. В какой-то момент, из-за того что трава росла здесь необычайно быстро и ее не успевали выпалывать, в местном сельсовете решили, что эта земля никому не нужна, и чуть не отдали ее другим. Было много какой-то бумажной волокиты, хождений по инстанциям, уговоров, в итоге все решилось благополучно.

На обратном пути они шли через поля, засеянные пшеницей или просто заросшие полевыми цветами, прогретыми солнцем и распространявшими теплый аромат лета. Здесь был небольшой смешанный лес, они заходили на святой источник, недалеко от тропинки, и набирали канистру чистой прозрачной воды. Вода была ледяная, и от нее сводило зубы. Но пить ее, зачерпывая ладонями, отчего вокруг разлетались миллионы брызг, было несказанным удовольствием, особенно в жаркие дни. Здесь почти всегда была очередь и самые злые комары, которые, кажется, не боялись ничего.

Мама любила общаться с людьми, не из любопытства или вежливости, а из-за своей природной чуткости и отзывчивости. Ее трогали чужие истории, она сопереживала непростым судьбам окружающих ее женщин. Поэтому они с Аней часто ходили в гости к соседям, в отличие от бабушки, которая предпочитала уединение и считала, что разговоры с деревенскими соседками скучны, однообразны и не представляют для нее никакого интереса. Одна из соседок — Инна Филипповна жила дальше всех. У нее в огороде росла и огромная клубника, и черная смородина, и кусты малины.

— Иди, поклюй ягодки, птичка-синичка, — говорила ласково соседка.

И Аня бежала в огород за лакомством. Пробираясь сквозь разросшиеся кусты обычной малины, она, ободрав нежную тонкую кожу рук, прорывалась к самой вкусной белой малине, которая росла только у Инны Филипповны. Наевшись вдоволь ягод, бежала к маме, которая сидела на скамейке с хозяйкой дома и терпеливо ждала дочь. Гостей приглашали к столу, за которым пили чай с сушками и сахарными подушечками с повидлом внутри. Эти подушечки были чуть ли не единственной доступной сладостью в местном магазине, который все называли не иначе как «Стекляшка» из-за огромных окон, расположенных по всему фасаду здания. Подушечками угощали все и всегда. Сладкие и липкие, они приставали к зубам и потом ни за что не хотели отлипнуть. У Инны Филипповны было две дочери, с одной из них мама

Ани дружила, и они встречались не только на даче, но и в городе. У нее тоже был взрослый неуправляемый сын-подросток, поэтому разговоры часто сводились к воспитанию двух парней. Она называла Аню не иначе как Ньюра, чем жутко раздражала девочку. Еще две соседки были совсем старыми, в доме у них жили кошки и стоял запах лекарств и пыли. Отчего к ним ходить совсем не хотелось.

По вечерам выходили гулять и делали «круг почета» по поселку, отмахиваясь от назойливых комаров веточками сирени и других деревьев, попадавших на пути. Проходили мимо заброшенного дома, как считалось, с привидениями, которых боялись все дети в округе, и все равно заглядывали в его разбитые окна. Подростки часто сидели на его крыльце, играя на гитаре, среди них был и брат Анюты. Шли мимо зеленого большого дома, в котором жил друг Юры, который иногда катал Аню на мотоцикле, и старшие смеялись, что, когда девочка подрастет, он на ней женится. Когда Юре купили мотоцикл, он тоже катал сестру по поселку, но делал это грубо, прыгая по всем кочкам по дороге. Проходили мимо огромного генеральского участка, так плотно заросшего лесом, что сквозь ветви едва проглядывался большой деревянный дом.

Конец лета был ознаменован сбором небольшого урожая с плодовых деревьев. Бабушка не участвовала в этом предприятии, так же, как и в последующей закатке варенья и компотов, но с большим удовольствием раздавала ценные указания. И это у нее получалось лучше всего, она видела то, что другие могли не заметить. Как и ее бабка, она обладала прекрасной интуицией, которую зачастую можно было принять за ясновидение, эту способность она передала своим дочери и внучке.

— Отойди от поленницы, она не внушает мне доверия, — говорила бабушка за несколько секунд до того, как дрова, аккуратно уложенные четырьмя взрослыми людьми, вдруг неожиданно с грохотом падали вниз. Бабушка ничего не говорила, лишь вздыхала, и по ее вздоху сразу было все понятно.

К грузной яблоне подставляли тяжелую лестницу, ту, что обычно использовали, чтобы залезть на чердак и для чистки желобов. Уперев ее в широкий яблоневый ствол, мама или брат залезали на самую верхушку и аккуратно снимали яблоки. Упавшие яблоки считались уже не годными, поэтому старались собирать урожай до того, как плоды начнут осыпаться. Из яблок чаще всего делали «пятиминутку», резали на маленькие кусочки, укладывали в кастрюлю, добавляли сахар и варили несколько минут, пока они не становились мягкими, похожими по вкусу на детское пюре. Как вкусно было намазать таким быстрым вареньем хлеб с маслом и есть, запивая заваренным бабушкой чаем. Из слив тоже варили варенье, потому что свежие плоды были недостаточно сладкими, и от них вся семья бегала в туалет. Чуть позже собирали черноплодную рябину, есть ее было практически невозможно, в ней не было ни сладости, ни вкуса, присущего садовым ягодам, но и ей находилось место в компотах из яблок, которые зимой были вкуснее любого покупного сока.

В конце лета на дачу приезжало множество гостей: друзья Дмитрия, мамы и даже подруги бабушки из Москвы. Веселые болтушки, так не похожие на строгую, сдержанную бабушку, они усаживались вечером за стол на веранде и пили чай с пирогами, которые специально к их приезду пекла бабушка. Для этого она хорошенько протапливала печь и помещала пироги в импровизированную духовку. Почти все привозили с собой арбузы, сладкие, сочные, с огромным количеством коричневых семечек, которые Арина заботливо доставала ножиком, чтобы Анечка могла есть спелые ломтики арбуза, не задумываясь о косточках. Из корочек арбуза тоже варили варенье, но оно считалось слишком простым и недостаточно вкусным, чтобы быть удостоенным чести попасть в банку и остаться несъеденным до зимы.

Осень в Петербурге начиналась по календарю. Первого сентября уже с утра зарядил дождь, и школьную линейку проводили не на улице, а в актовом зале, куда с трудом вмещались все ученики. Новая школа на Марии Ульяновой¹ была совсем не такая, как прежняя. Маленькая, не интересная, со скользкой лестницей, по которой старшеклассники мастерски съезжали, держась за поручни. Здесь не было длинных коридоров, зала с арками, старинных лестниц, живого уголка с ежами и хомяками, как в школе на Фонтанке, где раньше училась Аня. Но было то, что примиряло девочку с переходом в это учебное заведение. За углом, на Фонтанке, находилась пышечная, куда на большой перемене бегали все младшие классы, образуя огромную очередь у кассы. Взрослые люди, заходившие в это время перекусить, уступали место малышам. Большие сочные, обсыпанные белой сахарной пудрой, пышки таяли во рту за мгновение. Быстро запивая их приторным кофе, всей гурьбой бежали обратно, чтобы не опоздать на уроки. Строгая директриса уже стояла в коридоре и грозным басом кричала на бегущую ораву детей.

— Это что такое? Почему еще не на уроке? Ученик должен приходить в класс раньше учителя, запомните это раз и навсегда.

Все тут же замолкали и, останавливаясь, затаив дыхание, проходили мимо, опустив глаза.

Иногда в школе проводили небольшие концерты. Приходили артисты, и хотя представления были не всегда интересными, но это было гораздо лучше, чем слушать урок.

— Мама, к нам сегодня приходил Олег Митяев, — хвасталась дома Аня, — он так красиво пел, хотя песни у него какие-то грустные, и голос тоже, и выглядит он... даже не знаю, как сказать? Уставшим, что ли. Но теперь я хочу пойти учиться играть на гитаре.

— Не может быть, — засмеялась в ответ мама. — Ты ходила в кружок мягкой игрушки, в хор, на ИЗО и на уроки фортепиано. И длилось все это совсем недолго. На сколько тебя хватит в этот раз?

— На фортепиано я ходила долго, — пыталась поспорить Аня, — но это так скучно. Так же, как и шить каких-то глупых мышек.

С гитарой оказалось все серьезно, наверное, потому что Аня уже подросла, а на эти уроки ходили взрослые ребята. Они знали все бардовские песни и все вместе ходили на концерты.

Хотя Аня так и не достигла того мастерства игры на гитаре, которым владел Юрий, она с удовольствием и в любую погоду, с гитарой на плече, шла на Фурштатскую, где проходили курсы. Юра играл на гитаре виртуозно. На всех праздниках гости просили его сыграть и спеть что-нибудь душевное, и он никогда не отказывал. Любимыми песнями гостей постарше были песни Юрия Лозы и Александра Вертинского. Сочинял Юра и свои песни, но они были слишком мрачными для праздников, поэтому звучали, только когда приходили его друзья.

«Я прыгнул с подоконника в этот мир, но я чувствую, со мной остался тот вампир», — доносился его голос из комнаты.

Пианино он забросил давно, хотя иногда и играл в четыре руки со своей новой девушкой Ликой. Он был лучшим в музыкальной школе, и учителя говорили маме:

— Он может стать великим пианистом. Это талант, который рождается раз в десятилетие. Его нужно развивать, и вот увидите, он еще прославит свою фамилию.

Этого же мнения придерживалась и бабушка, поэтому во время его уроков у нее дома все ходили на цыпочках. Ему прощали прогуланные школьные уроки, грубость, нежелание помогать по дому, потому что были уверены в его блестящем будущем. Но великого музыканта из Юры не вышло, из музыкальной школы он ушел. И поступил учиться в ПТУ², а потом нашел работу в школе учителем труда. Ученики обожали своего молодого учителя, который был ненамного старше их. А ему нравилось делать что-то руками, и делал он это очень хорошо,

¹ Сейчас Графский переулок.

² Профессионально-техническое училище.

унаследовав эту способность от своего дядьки. Дома он тоже постоянно что-то мастерил: деревянные фигурки солдатиков, ремонтировал старинные часы. Для настройки пианино никогда не приглашали настройщика, потому что этим занимался Юра сам.

— Ничего из него не выйдет, — вздыхала мама, — упорство и труд лучше, чем гений и беспутство. Надеюсь, хотя бы, что ты будешь учиться и добиваться целей, — обращалась она к Ане. — Хотя, я уже не верю, что из моих детей что-то получится. Не умею я воспитывать.

По возвращении в город и окончании дачного сезона почти каждые выходные Аня с мамой ходили навещать бабушку. Жили они совсем рядом, Аня с родителями на улице Рубинштейна в Толстовском доме, а бабушка на Пушкинской, в бывшей гостинице «Пале Рояль». Петляя по бесконечным проходным питерским дворам, доходили быстро. Когда началось строительство станции метро «Достоевская», проход через ближайший двор был закрыт, и приходилось обходить через двор рядом с Пятью Углами, куда выходили окна какой-то закусочной, и всегда пахло прогорклым маслом, и жутко орали голодные кошки. Иногда по дороге заглядывали в музей Достоевского или в музей Арктики и Антарктики, где можно было провести битый час, рассматривая необычные экспонаты: огромный самолет, висевший под самым потолком, белого медведя, казавшегося Ане живым, и палатки с полярниками. Бурная фантазия девочки рисовала картины, где ночью все, что здесь есть, оживает. Полярники греют воду для чая на костре, медведь обходит залы в поисках пищи, а космонавт в скафандре никак не найдет свой корабль. В музее Достоевского было интересно посмотреть быт, узнать, как жил писатель. Особенно привлекательной была детская комната, в которой стояла точно такая же лошадка, как и у Ани в квартире. А вот кукольный фарфоровый сервиз дома был лучше, более изысканный и утонченный.

Бабушка уже ждала их, приготовив суп из фрикаделек или котлеты. Вкуснее нее никто не готовил два этих блюда. Суп красовался на столе в большой фарфоровой супнице с яркими цветами по бокам и на крышке, и аромат от него шел восхитительный. Бабушка разливала его по большим тарелкам с голубой каемкой. Чай пили из красивых кружек Ленинградского фарфорового завода, которые бабушке всегда дарили на дни рождения. Они были различной формы и с разными рисунками: нагло-красные петухи, нежные пыльно-розовые розы, осенние желтые листья. Солонка и перечница интересовали Аню больше всего, они находились в лапах забавной обезьяны, с которой было так увлекательно играть. Ане никогда не запрещали брать фарфоровых балерин, зайцев и другие статуэтки для ее игр. Отчего количество фигурок стремительно сокращалось.

— Опять приходили по поводу расселения, — говорила бабушка, — хотят нас всех вывезти в Купчино. — Слово «Купчино» произносилось с таким презрением, словно это была не окраина города, а по меньшей мере деревня за Полярным кругом. Аня не видела ничего ужасного в том, чтобы там жить. Однажды она была в гостях у соседей, которые получили квартиру в этом районе города. Квартира была просторной, а из окон открывался вид на бескрайние поля. Мама вздыхала:

— Они только ходят, кому нужна семнадцатикомнатная коммуналка. Да и дом требует капитального ремонта.

— Ну и хорошо, — выдыхала бабушка, — из центра я никуда не уеду.

— Я понимаю, — соглашалась дочь, — и все-таки отдельная квартира лучше.

— Не знаю, мне и здесь неплохо. Главное, что в центре.

— Мама, ты лукавишь. Никто не хочет жить в коммуналке.

Дом, в котором жила бабушка, был прекрасен. Дореволюционная постройка, толстые стены, кованые перила, витражи и конечно же лепнина на потолке с чудными барельефами в виде нежных женских профилей. Несмотря на неухоженность и длительное отсутствие

ремонта, сломанные или кем-то унесенные перила, потрескавшиеся витражи, внутри можно было почувствовать эстетику, которой так славятся петербургские парадные.

— Когда я была маленькой, — рассказывала Ане мама, — внизу сидел швейцар и не пропускал никого чужого. Он всегда носил картуз и приподнимал его каждый раз, когда входил кто-то из жильцов. Знал по имени-отчеству всех живущих в доме.

Квартира, как и многие петербургские коммуналки, была огромная. Длинный коридор делал поворот у одной из кухонь и продолжался еще долго, до окна, выходившего в глухой колодец. Бабушка жила в самой последней комнате, поэтому мимо ее комнаты никто не ходил. По стенам коридора приютились шкафы и секретеры, комоды и ящики, сундуки и стулья, которые не вмещались в комнаты. Все соседи выходили курить в коридор, отчего он пропитался запахом табачного дыма. Коммуналка, в которой жила Аня с родителями, была в два раза меньше, более уютной и дружной, как казалось девочке. Почти в каждой комнате жили ее ровесники, и скучно не было никогда. По выходным кто-нибудь из родителей собирал детей со всей квартиры и они шли на прогулку. Когда летом на Рубинштейна отключали горячую воду, приходилось идти на Пушкинскую. Здесь было два ужасных маленьких душа, с гниющим деревянным полом и облупившимися стенами. Тогда как на Рубинштейна была огромная ванная комната с окном. Однажды ночью в доме у бабушки случился пожар, только после этого квартиру отремонтировали: покрасили стены, сделали новый пол, новые душевые комнаты и туалеты. Но сам ремонт доставлял немалые неудобства. На всю квартиру остался один туалет и одна кухня.

Жили здесь совершенно разные люди, их было так много, что Ане никак не удавалось запомнить все имена и даже лица. А бабушка каждому придумывала прозвища, чем еще больше ее запутывала.

— Мне сегодня снилась Кобра, — говорила она, имея в виду одну из соседок. Отношения с соседями у бабушки были, мягко говоря, прохладными. Она считала их слишком простыми, невоспитанными, необразованными. И в коридор выходила крайне редко, чтобы как можно меньше с ними общаться.

Бабушкина комната была невероятных размеров, с высокими потолками со старинной лепниной, была здесь и собственная прихожая и еще одна маленькая комната, выходившая своим единственным окном в «колодец». Планировка осталась еще со времен гостиницы. Посередине комнаты стоял массивный круглый стол на одной ножке, над которым, в течение многих лет, висел оранжевый абажур с бахромой. Возле одной стены расположился старинный черный рояль с подсвечниками, которые со временем утратили свою утилитарную функцию и служили лишь украшением. Его, в свое время, купили для Юры. Рядом стоял специальный деревянный табурет, на котором было очень удобно и весело крутиться. У противоположной стены — высоченное зеркало с деревянными завитушками, которое было таким огромным и тяжелым, что его никогда не двигали с места. Бабушкина кровать стояла в углу и занимала совсем немного места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.